

Александр Шуплов

АЛБЕРТ АНАТОЛЬЕВИЧ, довольны ли вы тем, чего достигли — в творчестве, карьере, личной жизни? Все-таки вы — известный детский писатель, лауреат премий, руководили в советские времена популярнейшим молодежным журналом, сейчас возглавляете Детский фонд...

— Я думаю, что я ничего и не достиг. У меня такой нрав: когда я чего-то достигаю, мне это уже становится не то чтобы скучно, но я как-то перегораю. Может, путь, который я считаю для себя истинным, настолько не бывает прямым, асфальтированным, что я не считаю эти, скажем так, знаки какими-то достижениями или результатами. Такой вот у меня дурной нрав. С другой стороны, я считаю глупостью — чего-то получать, чего-то добиваться, а потом сидеть и, как говорится, греться на солнце и считать, что ты ухватил Бога за бороду. Это все несерьезно. Человек должен быть все время собою недоволен. Я именно такой. Можете спросить у моих близких — радости у меня, к сожалению, нет. Я понимаю, что я лишаю себя как человека очень многих вещей, но уж так я устроен.

— Отчего бы вам в таком случае не плюнуть на все, забросить все столичные дела и уехать на малую родину, где можно было бы сидеть в какой-нибудь избе и писать? Время-то идет!

— Во-первых, Детский фонд — мой дом и мой ребенок. А мой принцип — детей не бросать. Не только в этом смысле, но и в буквальном. Кто бросает детей, тот предаст себя. Когда у меня в начале работы нашего Детского фонда бывали какие-то конфликтные ситуации, я говорил своим оппонентам: «Ребята, вы сюда пришли, вы отсюда уйдете — ничего не изменится. Но я-то прикован к Детскому фонду, как каторжник к галере. Я умру здесь, таково мое назначение, и я его выбрал сам. Бросить фонд я не могу. Хотя, конечно, может сложиться такая ситуация, когда он будет тонуть. Тем более тогда я не смогу его бросить».

— Разве к этому есть предпосылки?

— Предпосылок пока нет.

— Все-таки у нас в отечестве продолжают любить детей и при удобном случае декларируют это.

— По-моему, уже и не декларируют.

— А кого тогда у нас в государстве сейчас любят?

— Мне кажется, что сейчас никто не любит никого. Вся реакция власти на катастрофы последнего времени — мгновенная демонстрация сострадания, очень часто вынужденная. Конечно, нельзя не поклониться подводникам с «Курска». Сама мысль о такой гибели вызывает ужас. Сострадание к ним власти вызвано ситуацией. А если говорить про любовь, то у нас сейчас — благополучное равнодушие ко всем и вся. И это меня более всего печалит, потому что равнодушие к детям не должно быть.

— Вам не кажется, что формула «благополучное равнодушие» должна говорить по крайней мере о благополучии в стране?

— Я думаю, что благополучие управляющих, скажем так, возникает, когда все и везде плохо. Это называется «благодушием». Особенно явно это видно перед телекамерами. Не хочу поливать

всех скопом. Есть люди, в том числе и во власти, которые стараются. Но сегодня их старания не могут быть результативны — и это, к сожалению, факт.

— Как вы относитесь к нашим политикам?

— Политики новой формации для меня «черный ящик». Я их не понимаю. Иногда мне кажется, что это не политики. Что это за люди, откуда они пришли? Думаю, что последним честным собранием был последний Съезд депутатов СССР. Там почти каждый депутат был личностью. Нашему президенту при формировании Госсовета не мешало бы в него включить помимо депутатов и губернаторов еще и представителей федеральных общественных организаций и структур. Вспоминая традицию ранних горбачевских времен, когда зал Съезда народных депутатов СССР украшали своим присутствием будущий патриарх Алексий, Дмитрий Лихачев, Виктор Астафьев — люди, которые не являлись профессиональными политиками. Сейчас же общественные организации сделались у нас каким-то ненужным грузом. Может, здесь сказывается опасение власти, которое она испытывает перед партиями? Они ведь тоже называются «общественными организациями». Короче говоря, общество должно быть представлено во властных структурах в том числе и общественными неполитическими организациями (хотя их сейчас уже такое большое количество, что пора и это приводить в норму). Наш Детский фонд — не политическая структура. Мы стоим на краю Ойкумены — помогаем детям. И делаем это профессионально...

— Кто из наших политиков вызывает у вас доверие?

— У меня всегда вызывал доверие Николай Рыжков.

— Кажется, он до сих пор ходит с прозвищем «плачущий большевик».

— Ярлык пришить очень легко, а отвязаться от него тяжело. Я знаю Николая Ивановича как глубоко порядочного человека и в те времена, и сейчас. А это уже немало. В свое время, в 1987 году, он нашел меня как писателя, который пишет статьи по проблемам детства. Позвал к себе, и мы говорили больше трех часов. После этого разговора родился Советский детский фонд. Напомню, что Николай Рыжков построил храм Петра и Павла на белгородской земле — причем сделал это, можно сказать, лично, хотя в этом деле участвовали многие, в том числе и наш Детский фонд, обустроивший помещение для воскресной школы. При этом храме есть и дом для ветеранов войны. По большому счету, все это — дело рук Рыжкова... Ну, и еще замечу: я вижу в Николае Рыжкове очень хорошо управляющего...

— Как вы полагаете, почему сейчас не задействуют людей такого уровня?

— Для меня это тайна. Ведь эти люди в силу своего опыта, представления о стране в целом знают и умеют очень многое.

— А вы востребованы сейчас?

— Думаю, что нет. Поначалу власть воспринимала наши предложения как предложения части общества. Но длилось это года три, не больше. Например, мы были инициаторами двух постановлений Совета Министров о малолетних узниках фашистских концлагерей. Мы создали Совет, начали оформлять документы на льготы. Мы инициировали меди-

Первая леди России Людмила Путина и Альберт Лиханов в Доме ребенка Можайской колонии. 2000 г. Фото пресс-службы администрации президента РФ

«ОБЫЧНО ЛЮДИ БОЯТСЯ ВПАСТЬ В ДЕТСТВО. Я БОЮСЬ ИЗ ДЕТСТВА ВЫПАСТЬ!» Так говорит писатель, председатель Детского фонда Альберт Лиханов, которому исполнилось 65 лет

цинские десанты в регионы Средней Азии, где была очень высокая младенческая смертность. Сегодня такого взаимопроникновения — даже на уровне СНГ — нет. Были и другие инициативы. Мы создали семейные детские дома, которыми я горжусь до сих пор, хотя и нахожусь в состоянии перманентной борьбы с некоторыми чиновниками из Министерства образования. Что такое семейный детский дом? Семья, у которой есть дети, брала не меньше пяти детей из детского дома. Новые матери получали зарплату старшего воспитателя. Во-первых, дети обретали семью; во-вторых, их содержание обходилось и обходится дешевле в пять раз, чем содержание в обычном детском доме. Далее, в обычном детском доме государство не обеспечивает ребенку будущего, директор детского дома просто не в силах проследить дальнейший путь своего выпускника. 90% таких детей погибают в прямом смысле. А в семейных домах приемная мать не бросает своих

детей. Она поддерживает своих детей всю жизнь... Сейчас Министерством образования эта система, в сущности, закрыта, и я боюсь за ее возрождение. Уже есть поправка к Семейному кодексу, но Положения о семейном детском доме пока нет. Чиновники хотят превратить эти детские дома в очередную контору. В результате их усилий матери просто будут некогда воспитывать детей, она будет бегать по инстанциям...

— В прессе были материалы о проходимцах, которые умудрялись становиться директорами таких детдомов...

— Если вы имеете в виду Быкова, который зарегистрировался здесь, в Москве, кстати, и без помощи органов образования, то это единственный случай в стране. Бывает, что такие детские дома распадаются: погиб отец, а матери одной не под силу содержать всю семью. Но зато — и это самое главное! — в результате внедрения в жизнь практики семейных детских домов из казармы сиротского заведения были

вызволены и спасены 2700 детей! Хотя оговорюсь: не все, конечно, детские дома — казармы, есть и очень благополучные. Но и в них не решена самая главная проблема — после выхода из детского дома ребенок становится никому не нужным.

— Вы своими инициативами, наверное, навязываете себе несчетное количество противников. Кого у вас больше — друзей или врагов?

— Я не считал. И потом, с годами — а годы-то уже основательные — количество друзей не прибывает, а убывает: уходят сверстники из жизни. По возрасту.

— Количество врагов в таком случае тоже должно убывать.

— Количество врагов мне трудно измерить. Мне не хотелось бы считать врагами тех людей, с которыми я спорю, например, тех же чиновников Минобразования. Я просто хочу с ними сотрудничать и доказываю им, что нельзя разрушать семейные детские дома, которые существуют уже 12 лет! Но сегодня чиновничество находится в таком привилегированном положении, како-

го не было даже в сталинские времена. Они хотят согнуть, прижать людей, которые им же и помогают. Чрезмерное размножение чиновничьих структур превратило их в самодостаточную часть общества, которая проедает наши с вами налоги...

— У вас в Детском фонде тоже есть чиновники.

— У нас работали разные люди: в свое время мы брали специально людей из ЦК КПСС, из Комитета народного контроля, из комсомола. Рано или поздно эти люди раскрываются. У нас ведь бизнеса нет, у нас самая невыгодная организация: здесь ничего не светит — ни карьера, ни деньги... Мы исповедуем принципы: живем по карману, без госсубсидий, что зарабатываем, то и израсходуем.

— На что вы существуете?

— Как ни странно, еще существуют и благотворительность, и спонсоры. У нас есть один замечательный человек, я его не буду называть по его просьбе. Он начальник среднего звена в нефтяной организации и еще работает где-то по совместительству. И вот уже 13 лет нашего существования — еще с советских времен — все, что получает по совместительству, он приносит нам... Кстати, в последнее время некоторые благотворители и особенно организации, которые нам дают деньги, просят их не называть...

Бывают неожиданные и удивительные открытия. Сейчас мы начали программу, которая называется «За решеткой детские глаза». Получилось так, что в ней захотела участвовать жена нынешнего президента. И мы поехали с Людмилой Александровной Путиной и с Валентиной Ивановной Матвиенко в Можайскую колонию — в Дом ребенка, где находятся маленькие дети, рожденные в тюрьме. Таких детей в России всего лишь 500. Открывая эту программу, решили помочь сначала им, потому что по бюджету этим детям ничего не положено, кроме денег на детское питание. Все остальное — плоды спонсорства, чаще всего зарубежного. Мы решили всех этих детей отоварить по научно разработанному комплексу — всем, что им нужно — от одежды до мази и присыпок и т.д. Тут нам помог «Автобанк», который обратился вместе со мной к своим клиентам. Деньги дали разные организации, сам «Автобанк» сделал приличный взнос. Достаточно приличный взнос мы получили от... Сандуновских бань. Для меня это была очень приятная неожиданность.

— Доброта еще бродит по миру, как писал поэт.

— Да, хотя сделано все, чтобы ее выкорчевать. Разными организациями, хотя они об это могут и не подозревать. Попробуйте для эксперимента перевести с вашей сберкнижки 10 рублей в Детский фонд. С вас потребуют 20 рублей за перевод. Между тем наш фонд создавался из таких трешек, десятков, изредка тысяч. Из этого сложился наш главный финансовый колобок, который мы и кадим до сих пор. Несмотря на все экономические, так сказать, вариации, мы не пропали. Все банки даже в самых критических ситуациях старались отдать нам деньги в первую очередь. А когда были ГКО, мы вкладывали в них наш капитал, увеличили его в 8,5 раза. И я этим горжусь. Эти деньги нам очень пригодились для наших программ.

— Не боитесь, что мы напечатаем, а люди подумают: мол, грели руки на ГКО?

— Но ведь все грели на этом руки. А мы зарабатывали не для себя, а для детей.

— На Западе принято так, что детская благотворительность опекается первыми леди государства. Кто опекает ее у нас?

— Я думаю, у нас эта традиция пока не прививается от непонимания. Вот недавно, не без содействия Валентины Матвиенко, я был на званом обеде с принцессой Анной, которая наносила визит по поводу открытия в Москве нового английского посольства (я с ней встречаюсь второй раз — первый раз еще во времена Громыко). Так вот, принцесса Анна опекает 240 благотворительных организаций, британских и международных. Конечно, это не означает, что она жертвует им только свои личные деньги. Она просто освящает их деятельность своим именем. У нас поначалу к нашему фонду была очень внимательна Раиса Максимовна Горбачева, потом у нее этот интерес иссяк. В эпоху Ельцина я встречался два раза с

Наиной Иосифовной: один раз на традиционном утреннике в Большом театре на День защиты детей, второй раз — на открытии представительства ЮНИСЕФ. Серьезных контактов не получилось. Что касается Людмилы Путиной, то нам удалось съездить в Можайскую колонию. Она нам там помогала раздавать подарки. Мы благодарны ей, поскольку присутствие первой леди на нашей акции было знакомым. Очень бы хотелось, чтобы она прошла по всем нашим 14 программам, увидела, чем мы занимаемся, уяснила для себя наиболее болевые точки детства. Она могла бы увидеть, какова наша роль в государственной структуре, — ведь, помогая детям, мы помогаем тем самым государству. Во всяком случае, если говорить о нашей сегодняшней первой леди, я увидел просто женщину, человека простого, без всяких величественных изощрений. Она первая подошла к детям в Можайской колонии, стала их одевать. Да и вообще, не надо обладать какой-нибудь особенной пронизательностью, чтобы представить себе будущее этих тюремных детей.

— Можете ли вы обозначить тенденцию: растет или уменьшается число детей-сирот?

— Сегодня приток детей-сирот в России составляет 100–110 тысяч в год. Напомним, 9 мая 1945 года в России насчитывалось 678 тысяч детей-сирот. Сегодня мы эту цифру перекрыли — 700–720 тысяч. Но больше всего меня устрашает будущее этих детей.

Все наши владыки не понимают, что происходит с детьми-беспризорниками. У кого-то из этих детей есть родители, есть и бегунки из детских домов. По данным милиции, беспризорников у нас сейчас два миллиона. То, что я называл выше — 720 тысяч, — это дети, устроенные в детских домах, в семьях, а 2 миллиона детей — не организованы! (Замечу, некоторые правоохранительные органы называют цифру 4 миллиона, но я этому не верю. Наверное, это количество задержаний.)

Сегодня содержание одного ребенка в государственном детском доме стоит в год от одной до двух тысяч долларов. Причем хорошо, если из этой суммы на ребенка идет 20%. Остальное — на коммунальные расходы, зарплату персоналу... Умножьте 2000 долларов на 2 миллиона — это 4 миллиарда долларов. Такова цена детей, которые сейчас где-то шляются и которых никто не торопится вытаскивать. А куда вытаскивать? Какие нужны новые детдома, расходы?! Если и дальше будем чихать на это дело, то в один прекрасный день эти дети подрастут и из волчат превратятся в стаи волков. И поверьте, нас будут убивать без сожаления. Ведь вся их история — это история волчонка, который не знал ласки.

— Как вам сейчас пишется?

— Напечатал в «Нашем современнике» новый роман под названием «Никто». Хотя я всю жизнь исповедовал, что литература должна дарить детям и подрастакам какую-то надежду, в этом романе нет никакой надежды. Эту вещь я написал под жаром работы нашего фонда, того, что мы здесь видим и знаем.

— Когда-то Детский фонд носил имя Ленина. Сейчас он безымянный. Не думаете чье-то имя ему дать?

— Нет, не думаем. Сейчас наш фонд, по существу, имени Российского Несчастливого Детства. ■